

Ланской Андрей

27.07.06

Графское искусство

Живописец Андрей Ланской был корифеем европейской абстракции, которого почти не знали на родине. Ретроспектива художника в Музее личных коллекций дает понять, что разрыв между фигуративным и нефигуративным искусством совсем не огромен, если дело происходит в Париже.

Известия - 2006 - 27 июля - с. 5

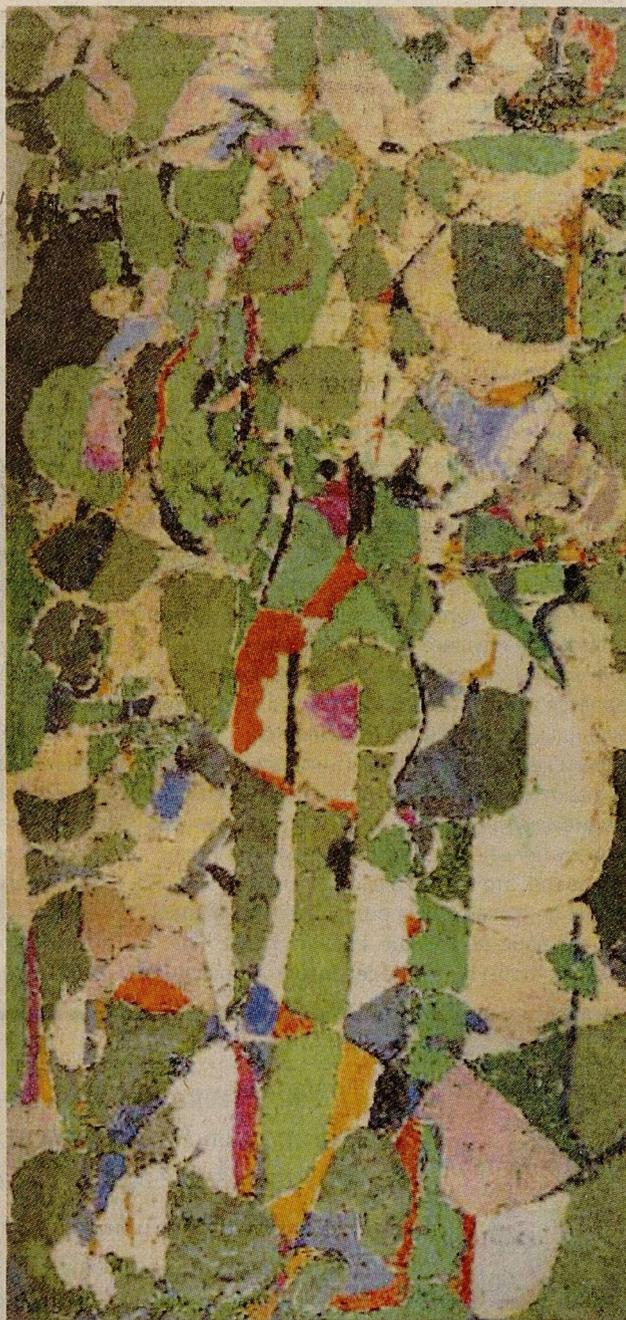
ДМИТРИЙ СМОЛЕВ

Принадлежность к так называемой «Парижской школе» — словно пропуск на глобальную арт-сцену, хотя неизвестны в точности ни основные признаки этой школы, ни исчерпывающие списки «выпускников». Приехал в столицу мира между двумя мировыми войнами, угодил в художественную среду, проникся, втянулся — и вот он, твой шанс очутиться на скрижалях. Шансом воспользовались многие, среди них хватало выходцев из России. Герой нынешней выставки свою звезду тоже не проворонил, пусть и не достиг славы Хаима Сутина или Марка Шагала.

Эксперимент Андрея Ланского был поставлен чисто, едва ли не «с нуля». Потомок древнего дворянского рода имел за плечами Пажеский корпус при дворе государя-императора, недолгий опыт занятий в художественной студии Александры Экстер и кое-какие знакомства среди петербургской богемы. С эдаким багажом в Париже, где юный граф после перипетий Гражданской войны оказался в 1921 году, рассчитывать на восторженный прием не приходилось. Зато ничто и не связывало, не отвлекало. Андрей Ланской с головой окунулся в артистический мир и быстро достиг первых успехов. Однако настоящая известность пришла к нему гораздо позже, после Второй мировой, когда он сделался адептом «лирической абстракции». Беспредметными композициями на синем, зеленом, черном фоне он и вошел в европейскую хрестоматию. Многие работы Ланского осели в музеях, однако и частные коллекции могут кое-что рассказать об эволюции художника.

Между интерьерами, семейными сценками, цветочными натюрмортами 1920-х годов, очень упрощенными и утонченными одновременно, и бурными послевоенными абстракциями пролегал вроде бы пропасть. Но лишь на взгляд отсюда, из России, где до сих пор живучи представления о принципиальной разнице между предметным и беспредметным искусством. Пускай даже с хрущевских времен оценки поменялись на полярные, но шкала осталась прежней. Тогда как ни для Андрея Ланского, ни для его коллег-соотечественников Сержа Шаршуна, Сержа Полякова, Никола де Сталя (их наследия все чаще появляются на нашем горизонте) этой проблемы не существовало. Да и для французских зрителей тоже. Краска — вещество. Наносится оно на холст. А ради сходства изображения с натурой или для выражения отвлеченных идей — вопрос не решающий. Без осознания этого публикой не было бы в мире торжества абстрактного искусства, которое, впрочем, давно уже в прошлом.

Когда в России представляют творчество бывших наших соотечественников, обычно пользуются фра-

Андрей Ланской. «Композиция на зеленом фоне». 1955 г.

зой «возвращение на родину». Нередко это лишь фигура речи. Созданное за рубежом — как правило — становится феноменом другой культуры. Так что вернее все-таки говорить о знакомстве. Что не отменяет патриотического пафоса, когда речь заходит о признании наших эмигрантов где бы то ни было.